

"УТВЕРЖДАЮ"
Директор ФГБУН
Институт лингвистических
исследований РАН
чл.-корр. РАН,
доктор филол. наук

Е. В. Головко

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию
Марии Вадимовны СКАЧЕДУБОВОЙ
"ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ -Л-ФОРМЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ
НАРРАТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАННИХ ЛЕТОПИСЕЙ)",
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности 10 02.01 - русский язык

Диссертационная работа М. В. Скачедубовой представляет собой комплексное исследование функционирования -л-формы (включающее ее морфологические, синтаксические и дискурсивные характеристики) в нарративе в русских летописях. Исследование охватывает летописи, различные как по времени написания, так и по географическому признаку, что позволяет получить цельное представление как о диахронической эволюции этой формы, так и о региональных особенностях ее употребления.

Автором предлагается весьма перспективный подход к анализу функционирования л-формы. Дело в том, что традиционно данная форма анализировалась по преимуществу как составная часть сложных глагольных времен (перфекта, плюсквамперфекта и так называемого сложного будущего II, или перфектного будущего). Таким образом, в рамках традиционного подхода а) основное внимание уделялось диалогическим контекстам, в наибольшей степени характерным для употребления данных аналитических форм и б) самостоятельные употребления л-формы без связи не получали достаточного освещения в

специальной литературе, так как они анализировались исключительно как манифестирующие перфект с опущением вспомогательного глагола и потому рассматривались как один из этапов эволюции л-формы в простое прошедшее время. Диссертационное исследование М. В Скачедубовой восполняет обе обозначенные лакуны традиционного подхода. Во-первых, в центре внимания автора находятся нарративные контексты употребления л-формы. Во-вторых, в исследовании впервые с равной степенью подробности анализируются как употребления л-формы в составе сложных глагольных времен с претеритальным значением, так и самостоятельные, бессвязочные употребления данной формы. Именно в этом состоит **актуальность** диссертационного исследования Марии Вадимовны.

Новизна работы состоит в том, что автор анализирует функционирование л-формы в рамках достаточно новой для русистики научной парадигмы. За исключением нескольких важных работ (в полной мере учтенных в диссертационном исследовании М. В Скачедубовой), традиционно описание функционирования глагольных времен ограничивалось по преимуществу их грамматической семантикой в узком смысле, то есть прежде всего их аспектуально-tempоральным значением. Тем не менее, очень перспективным представляется предпринятый в данной работе анализ дискурсивных функций глагольных времен в нарративе. К настоящему моменту типологическая литература предоставляет значительное количество примеров использования глагольных форм для структурирования нарратива, выделения в нем фрагментов, имеющих различные функции в повествовании: речь идет о противопоставлении событий основной линии повествования фоновым событиям, авторским отступлениям и комментариям, о маркировании различного рода "перебоев" в последовательном изложении событий. Эти употребления глагольных форм, не сводимые к аспектуально-tempоральной семантике и не предсказуемые на ее основе, составляют, тем не менее, весьма важный класс их употреблений. Таким образом, научная новизна диссертации заключается прежде всего в систематической реализации дискурсивно-ориентированного подхода при анализе всей совокупности употреблений л-формы в древнерусском нарративе.

В основе исследования М. В. Скачедубовой - анализ полной выборки примеров употребления -л-формы в нарративе. Автором сопоставлены данные памятников различной хронологии и различной диалектной принадлежности. За счет того, что М. В. Скачедубова анализирует весь корпус релевантных примеров, ей удается убедительно показать, что выделенные ею закономерности употребления л-формы систематически

прослеживаются в различных памятниках, что позволяет оценить выводы работы как **научно достоверные**.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что применение комплексного типологически ориентированного подхода к анализу функционирования л-форм в древнерусском нарративе позволило автору существенно расширить существующие представления о функционировании л-форм как в составе аналитических конструкций, так и в самостоятельном употреблении. Так, автором предлагается анализ ряда конструкций "*быти* в пр.вр. + -л-форма" не как плюсквамперфектных форм, а как свободных синтаксических сочетаний, не имеющих плюсквамперфектного значения. Автором убедительно показана синонимия л-форм и причастий на *-ъш/-въш-* с одной стороны, л-формы в самостоятельном употреблении часто оказываются синонимичны данному причастию при обозначении фонового действия, употребляясь в контекстах зависимых причастных предикаций. С другой стороны, причастие на *-ъш/-въш-*, употребляясь в сочетании с глаголом *быти*, может передавать перфектное либо плюсквамперфектное значение. Не менее важным является вывод автора об ареале распространения таких конструкций, традиционно анализируемых как "северо-западный перфект" Мария Вадимовна показывает, что такие конструкции представлены и в памятниках центральной диалектной зоны.

Рассмотрим подробнее **содержание** работы. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии, включающей 137 работ, а также обширного приложения, представляющего полный корпус проанализированных примеров, систематизированных в соответствии с выражаемым л-формой значением.

Первая глава "История изучения функционирования -л-формы" состоит из трех разделов, первый посвящен истории л-формы в дописьменный период, второй и третий - претеритальным формам на базе л-причастия - перфекту и плюсквамперфекту - в древнерусском.

Вторая глава, самая значительная по объему, посвящена употреблению -л-формы без связки не в перфектном значении. Автор разбивает все контексты подобного рода на две группы. С одной стороны, это употребление л-формы для обозначения однократной ситуации в прошлом в ряду последовательно сменяющих друг друга событий, то есть в значении простого прошедшего.

С другой стороны, это ряд специфичных только для л-формы контекстов, повторяющихся от одного памятника к другому. Выделение этого круга употреблений л-формы, несомненно, является одним из

наиболее важных результатов работы. Это прежде всего употребления л-формы в характерных для плюсквамперфекта контекстах результатаива в прошлом. Помимо этого, для л-формы типично появление в контекстах причастных предикаций: это контексты, вводимые различными союзами, контексты второстепенных предикаций в конструкциях типа «*вставь (и) рече*», а также употребление бессвязочных л-форм для обозначения фонового или длительного действия. Во всех этих случаях М. В. Скачедубова предполагает, что подобные употребления возможны за счет "актуализации" у л-формы атрибутивных, причастных свойств. Мария Вадимовна приходит к весьма интересным и важным выводам о функциональном тождестве в ряде контекстов л-форм и причастий на *-ъиши-/въиши-*. Этот сюжет в диссертационном исследовании весьма убедительно связан с вопросом о возникновении современных диалектных форм так называемого "северо-западного перфекта"

Комплексный анализ л-форм позволяет автору подкрепить целым рядом аргументов гипотезу о том, что обширный круг употреблений л-формы в древнерусском обусловлен сохранением ею атрибутивного характера.

В главе 3 рассматриваются употребления -л-формы (как со связкой, так и без связки) в перфектном значении в нарративе. В нарративе перфект может использоваться либо в собственно перфектном значении, либо в так называемом относительном употреблении в изъяснительных придаточных. Глава 4 названа "*быти в пр.вр. + -л-форма*" Некоторая расплывчатость названия имеет вполне логичное объяснение: часть синтагм такого рода рассматриваются автором как представляющие грамматическую форму плюсквамперфекта, часть – как свободные синтаксические сочетания бытийного глагола и причастия.

В разделе "Выводы" резюмируются и обобщаются основные результаты исследования.

Несомненным достоинством диссертации является полная выборка материала из представительного корпуса летописей, различающихся как по времени, так и по месту написания. Многие из рассматриваемых в диссертации явлений в предшествующих работах получали гораздо более поверхностное описание. М. В. Скачедубовой удалось показать, что функционирование л-форм и их эволюция в др.-русском языке были сложнее, чем было принято считать ранее: их употребление несводимо к аналитическим конструкциям видо-временных форм; в ряде контекстов употребление л-формы обусловлено сохранением атрибутивного, причастного компонента семантики. Эти выводы убедительно

аргументированы с опорой на подробный анализ сплошной выборки примеров, помещении рассматриваемых явлений в типологический контекст и комплексном анализе лингвистического материала с учетом различных факторов.

Вместе с тем, в силу сложности анализируемых данных, которые уже не одно десятилетие в значительной степени оставались загадкой в русистике, а также в силу того, что исследователь, работающий с материалом письменных памятников мертвого языка, не может разрешить ряд вопросов, обратившись к языковой интуиции носителей, некоторые частные моменты предложенного анализа имеют, наравне с сильными, и слабые стороны. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что все высказываемые ниже замечания носят сугубо дискуссионный характер и никак не снижают общего положительного впечатления от работы.

Начнем с частных замечаний.

1. Неудачным представляется название раздела "**-l- форма в дописьменный период*" в главе "История изучения функционирования -л-формы". С одной стороны, некорректно говорить о возможностях изучения функционирования некоторой формы в эпоху, для которой отсутствуют какие-либо документированные употребления данной формы. С другой стороны, оборот "дописьменный период" однозначно понимается в данном контексте как дописьменный период древнерусского языка, к которому, очевидно, не относятся ни праславянский, ни тем более праиндоевропейский.

2. В разделе 2 первой главы автор отмечает, что "Уже с древнейших древнерусских памятников связка в перфекте постепенно начинает выполнять лишь функцию указания на лицо и опускаться тогда, когда на лицо указывается с помощью подлежащего [Горшкова, Хабургаев 1981: 306]. Таким образом, связка оказывается в дополнительном распределении с подлежащим". Следует отметить, что картина не является столь однозначной, как это представлено в работе М. В. Скачедубовой. Как отмечал А. А. Зализняк [2004: 178—179], берестяным грамотам "[т]рехчленная модель (*я есмь даль*)... практически чужда", но в прямой речи персонажей Киевской летописи по Ипатьевскому списку "в случае сохранения местоимения трехчленная модель *я есмь даль* встречается чаще, чем двучленная *я даль*".

Далее мы хотели бы затронуть более общий вопрос, касающийся предложенной в работе концепции функционирования л-формы. Следует подчеркнуть, что высказанные ниже соображения должны быть

восприняты ни в коем случае не как критический разбор выдвинутых автором положений, а как приглашение к научной дискуссии.

Весьма убедительной представляется гипотеза М. В. Скачедубовой о том, что ряд самостоятельных употреблений л-формы обусловлены сохранением ею атрибутивной семантики. Больше вопросов вызывает предложенная интерпретация самостоятельных употреблений л-формы для обозначения "результата, отнесенного к прошлому"

Основной вывод автора относительно этого круга употреблений состоит в том, что, в отличие от традиционной точки зрения, в данных контекстах не следует усматривать употребление бессвязочного перфекта. М. В. Скачедубова предлагает иную трактовку по ее мнению, речь идет о "нейтрализации перфекта (выражающего 'результат в настоящем') и плюсквамперфекта (выражающего 'результат в прошлом') в особой результативной форме, выражающей результат как таковой без его соотнесения с временным планом настоящего и прошлого (а также будущего)" В качестве аргумента М. В. Скачедубова указывает на то, что перфект со связкой в таких контекстах не встречается, носр. пример из ПВЛ. *в се же лѣ(т). сѹна въ(с) цркви ст҃го миѹанла. пергаславлескиѧ ефрѣмомъ тога цркви митрополитомъ иже ю есть создалъ велику сѹщю. и пристрою в нѣи велику створи.*

Примеры такого рода (хотя, надо признать, и единичные на фоне солидного корпуса примеров с бессвязочными л-формами) ставят под сомнение утверждение о неприемлемости традиционного подхода к этой форме как к бессвязочному перфекту; тем более что типологически использование перфекта в плюсквамперфектной функции надежно засвидетельствовано, см. специальный раздел в [Сичинава 2013 97-103]

Хотелось бы также уточнить, что имеет в виду автор, говоря о "нейтрализации перфекта и плюсквамперфекта в особой результативной форме" Каково, по мнению автора, диахроническое соотношение трех упомянутых форм? Следует ли понимать эту цитату так, что особые самостоятельные результативные употребления л-формы возникают позже, чем перфект и плюсквамперфект?

Идея о нейтрализации перфекта и плюсквамперфекта, с одной стороны, встречает возражения методологического характера, с другой стороны, вызывает трудности при интерпретации нескольких классов контекстов. Разберем подробно указанные трудности. М. В. Скачедубова показывает, что л-форма употребляется только в плюсквамперфектном (но не в перфектном!) значении. На этом фоне излишним усложнением описательной модели выглядит объяснение возможности таких

употреблений через обращение к семантике двух форм (автор говорит о "нейтрализации перфекта и плюсквамперфекта"): для описания самостоятельных употреблений л-формы достаточно апеллировать к семантике только одной из двух форм - плюсквамперфекта.

Далее, предложенная автором концепция "результативности" (понимаемой как нейтрализация функций перфекта и плюсквамперфекта) вызывает сложности с интерпретацией еще двух типов употреблений. Автор отмечает трудности в интерпретации употреблений - "л-формы для обозначения предпрошедшего действия" (примеры приведены на с. 119 и далее в разделе 1.2.4.). Автор в данном разделе рассматривает примеры, в которых результат "предпрошедшего" действия либо неактуален, либо аннулирован и противопоставляет их примерам употребления л-формы в значении "предпрошедшего" действия с результативным значением. Не считая в данном случае возможным говорить о "нейтрализации перфекта и плюсквамперфекта из-за отсутствия результативного компонента" в семантике рассматриваемых примеров, автор приходит к выводу, что единственная возможность интерпретации данных употреблений л-формы - атрибутивная. Однако при этом игнорируется очевидный параллелизм данных употреблений л-формы и так называемых "антирезультативных" употреблений, являющихся одной из самых типологически ярких особенностей плюсквамперфекта.

Кажется, можно было бы вовсе отказаться от идеи нейтрализации в бессвязочной л-форме двух форм - перфекта и плюсквамперфекта и убрать из описательной модели апелляцию к перфекту, признав л-форму функционально тождественной только плюсквамперфекту. В этом случае и результативные, и нерезультативные контексты предшествования можно было бы объединить в силу того, что бессвязочная л-форма предстает в них полным аналогом плюсквамперфекта.

Далее, можно отметить, что функциональную аналогию с плюсквамперфектом (но не с перфектом!) данная форма демонстрирует и с точки зрения дискурсивных функций. М. В. Скачедубова выделяет употребления -л-формы в функции плюсквамперфекта в начале сюжета. Это также типичная функция плюсквамперфекта (правда, уже дискурсивная, а не грамматическая), так что без привлечения гипотетической "нейтрализации перфекта и плюсквамперфекта" и в и данные употребления можно было бы объяснить функциональным параллелизмом бессвязочной л-формы и плюсквамперфекта.

Мария Вадимовна выделяет особый класс конструкций, в которых она интерпретирует сочетание бытийного глагола в одной из форм

прошедшего времени с л-причастием не как форму плюсквамперфекта, а как свободные сочетания. Сразу следует отметить, что к группе таких контекстов она относит всего 16 примеров. Основным аргументом в пользу непризнания этих сочетаний плюсквамперфектами является отсутствие в их семантике значения предшествования. М. В Скачедубова в данном случае ограничивается только учетом аспектуально-временной семантики плюсквамперфекта, однако типологически засвидетельствованы употребления собственно плюсквамперфектных форм в контекстах, аналогичных тем, которые Мария Вадимовна относит к свободным сочетаниям. Например, в значении фонового действия плюсквамперфект используется в средневековом испанском (см. [Сичинава 2013 100-101] со ссылкой на [Klein-Andreu 1991]), причем в данном случае речь идет о синтетической форме, так что интерпретировать ее иначе как плюсквамперфект (что предлагает автор диссертации для древнерусского) невозможно. Как кажется, выделение подобных "свободных сочетаний" одного из претеритов бытийного глагола с л-причастием было бы оправдано только в том случае, если бы были исчерпаны все возможности интерпретации этой формы через типологически засвидетельствованные функции плюсквамперфекта, однако очевидно, что в данном случае дискурсивные функции плюсквамперфекта к анализу не привлекались.

Следует повторить, что как указания на частные неточности, так и более общее дискуссионное обсуждение отдельных выдвинутых автором положений нисколько не снижают общей высокой оценки работы.

Новизна, актуальность и теоретическая значимость рассматриваемого исследования не вызывает сомнения. Оно содержит целый ряд интересных нетривиальных наблюдений над употреблением л-формы в древнерусском языке, которые существенно дополняют существующие представления о ее функционировании как в древнерусском, так и - шире - в славянских языках. Предложенный в работе анализ материала и сформулированные автором научные положения и выводы можно считать обоснованными. Автореферат и публикации по теме в должной степени отражают содержание работы. Работа соответствует избранной специальности - 10.02.01 - русский язык. Работа прошла солидную апробацию на международных научных конференциях.

Диссертационная работа Марии Вадимовны Скачедубовой "ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ -Л-ФОРМЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ НARRATIVЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАННИХ ЛЕТОПИСЕЙ)" соответствует требованиям пунктов 9-14 Положения о присуждении ученых степеней,

утверженного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, Мария Вадимовна Скачедубова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 - русский язык"

Отзыв составлен старшим научным сотрудником отдела теории грамматики кандидатом филологических наук Анной Юрьевной Урманчиевой. Отзыв обсужден и утвержден на заседании отдела теории грамматики ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН, протокол № 3 от 02 апреля 2019 года, принято единогласно.

Заведующая отделом
теории грамматики
ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН,
доктор филол. наук

М. Д. Воейкова

Подпись М.Д. Воейкова
удостоверяется
ст. референт ИЛИ РАН ЛС

Анна Юрьевна Урманчиева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории грамматики ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН, urmanna@yandex.ru, домашний адрес: 199004, Санкт-Петербург, 4-я линия В.О., дом 47, кв. 9 Тел. +7(921)369-21-17

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований РАН,, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., дом 9; тел. +7(812)328-16-12, тел. (812)328-16-11, тел./факс: (812)328-46-11, e-mail. iliran@mail.ru, <http://iling.spb.ru>